

БИБЛИОГРАФІЯ.

НОВЫЯ КНИГИ ПО ИСТОРИИ ФИЛОСОФІИ.

(Продолженіе).

VII.

Eduard von Hartmann Geschichte der Metaphysik Erster Teil: bis Kant Leipzig. 1899. SS. XIV+588.

Это большое сочиненіе маститаго Германскаго философа образуетъ одиннадцатый томъ издающагося теперь собранія его „Избранныхъ сочиненій“. Никакого введенія въ настоящей книгѣ нѣтъ. Задачи и цѣли автора заранѣе не намѣчены. Читателю приходится уже угадывать ихъ самому. Авторъ-же прямо съ первой страницы начинать изложеніе исторіи метафизики до Платона (I. Die vorplatonische Metaphysik). Впрочемъ, самое начало этого изложенія имѣетъ до нѣкоторой степени вводный характеръ и знакомитъ нѣсколько съ задачами автора. „Научная обработка метафизики, говоритъ Гартманъ, впервые встрѣчается у грековъ. Здѣсь въ первый разъ выступаетъ стремленіе освободить метафизику отъ слянія (*Verquickung*) ея съ фантастическими религіозными возрѣніями, поставить ее на собственные ноги и путемъ разумаго изслѣдованія понятій сообщить ей научную форму. Документальная исторія греческой метафизики начинается для насъ лишь съ Платона: о всѣхъ прежнихъ попыткахъ мы знаемъ лишь по безсвязнымъ цитатамъ и по сомнительнымъ извѣстіямъ изъ третьихъ рукъ. Реконструк-

ція до-платоновскої метафізики із такого скудного матеріала єсть, безъ сумнѣнія, въ высшей степені заманчивая задача для філологівъ и историківъ, ибо ни къ чому люди такъ ревностно не стремятся, какъ къ рѣшенію такихъ проблемъ, при которыхъ комбинирующая и доповняющая фантазія и остроуміе въ построеніи догадокъ имѣють наиболѣе простора" (S. 1). Но, по его мнѣнію, такое изслѣдованіе „имѣло-бы весьма высокій культурно-историческій интересъ, исторія-же метафізики получила-бы отсюда лишь чрезвычайно малую выгоду“ (S. 2). И авторъ „съ философской точки зрѣнія“ считаетъ достаточнымъ до-платоновскую метафизику „обозрѣть лишь въ бѣгломъ введеніи“, чтобы понять исходные пункты Платонова мышленія (ibid.). Уже отсюда мы видимъ, что у автора *философскій* интересъ безусловно господствуетъ надъ историческимъ. Для него важны преемственность и логическое взаимоотношеніе исторически смѣнявшихся идей, а не культурно-историческія условія послѣднихъ. Изъ самаго изложенія философскихъ системъ это еще виднѣе. Въ качествѣ представителей до-платоновскої метафізики авторъ разсматриваетъ—Θалеса, Анаксимандра, Анаксимена, Диогена Апол, Пифагора, Ксенофана, Парменида, Зенона, Мелісса, Гераклита, Эмпедокла, Левкіппа, Демокрита, Анаксагора, софистовъ, Сократа и сократиковъ.

Начиная съ Платона, Гартманъ разсматриваетъ метафизическія доктрины по группамъ, опредѣляемымъ частію хронологическими данными, главнымъ-же образомъ характерными чертами направленія. Такъ Платонъ и Аристотель являются у него представителями „классическаго рационализма“ (SS. 26—71). Въ самомъ изложеніи ученій какъ Платона и Аристотеля, такъ равно и прочихъ философовъ, авторъ совершенно избѣгаетъ входить въ обсужденіе какихъ либо чисто историческихъ или критико-литературныхъ вопросовъ, а главное вниманіе сосредоточиваетъ на логическомъ генезисѣ и связи идей. Для ознакомленія съ характеромъ работы автора, мы приведемъ нѣсколько подробностей изъ его обзорѣнія Платоновой метафізики.

Свой обзоръ Гартманъ начинаеть съ указанія отношеній Платона къ *предшественникамъ*. Платонъ вполне раздѣляетъ Гераклитовскій взглядъ, что все чувственное находится въ постоянномъ измѣненіи, течеть, и никакое знаніе о немъ

невозможно: вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вполне соглашался и съ элеатскимъ ученіемъ, что истинно сущее должно быть постояннымъ и пребывающимъ, чуждымъ всякаго измѣненія. Учитель его Сократъ въ опредѣленіи понятій видѣлъ единственный источникъ истины; Платонъ, такимъ образомъ, думалъ, что надо только перенести въ метафизику и натур-философію приемы этого познанія, служившаго у Сократа этическимъ интересамъ, чтобы найти истинно сущее. Что сущее, какъ учили элеаты, должно быть въ послѣдней инстанціи единымъ, это для Платона не подлежало никакому сомнѣнію; познаніе при помощи понятій и должно вести къ этому единому, — подобнымъ-же образомъ, какъ мы восходимъ отъ индивидуальныхъ вещей къ видовымъ понятіямъ, а отъ послѣднихъ къ понятіямъ родовымъ и такъ далѣе до самаго высшаго и всеобъемлющаго родового понятія. Отожествляя видовыя понятія съ понятіемъ лучшаго или съ понятіемъ относительныхъ цѣлей, онъ высшее родовое понятіе единого сущаго отожествилъ съ понятіемъ просто блага, или абсолютной цѣли; такимъ образомъ, по примѣру Эвклида, онъ произвелъ синтезъ Парменидовской и Сократовской точекъ зрѣнія. А отожествляя, далѣе, единое сущее, или абсолютную все опредѣляющую цѣль, или благо съ душою міра, онъ сливаетъ высшій принципъ Анаксагора съ принципомъ Сократа; поскольку-же эта разумная, дѣйствующая по цѣлямъ и абсолютно благая душа міра тождественна съ Богомъ, Платонъ, стало быть, сливаетъ оба эти принципа съ монотеистическимъ понятіемъ о Богѣ Ксенофана (SS. 27—28). Съ другой стороны, Платонъ произвелъ также синтезъ Сократовскаго ученія о понятіяхъ съ пифагорейскимъ ученіемъ о числахъ, сближая лежащія въ основѣ Сократовскихъ понятій метафизическіе объекты съ идеальными числами пифагорейцевъ (S. 28). Наконецъ, и отъ атомистовъ Платонъ заимствовалъ взглядъ, что чувственный міръ состоитъ изъ сущаго и не-сущаго, или представляетъ смѣсь ихъ: отсюда-же заимствуетъ Платонъ и свой взглядъ на не-сущее, какъ на пространство, хотя, впрочемъ, въ его ученіи пустое пространство и не имѣетъ того значенія, какъ у атомистовъ (SS. 28—29). Изъ этого обзора мы видимъ, что исходные пункты Платоновой метафизики представляются Гартману сложной амальгамою различныхъ

элементовъ изъ предшествующихъ ученій. Имѣя въ виду содержаніе этого идейнаго наслѣдства, и принимая во вниманіе самостоятельныя дополненія и усовершенствованія, привнесенныя Платономъ, мы будемъ владѣть всѣми нитями для правильной критической оцѣнки данной метафизики; какъ одного изъ моментовъ въ выработкѣ рѣшенія занимающихъ и наше сознаніе метафизическихъ проблемъ. Ясно разграничивая въ каждой изучаемой метафизикѣ ея историческіе корни и самостоятельныя научныя вклады, авторъ даетъ, такъ сказать, феноменологію метафизическаго сознанія, даетъ обстоятельный отчетъ касательно идейной эволюціи въ этой области философскихъ изысканій. Доведенная до нашихъ дней, такая феноменологія могла-бы служить прекраснымъ ключемъ къ оцѣнкѣ современныхъ философскихъ ученій и руководствомъ къ установкѣ естественныхъ проблемъ будущаго. При такой важности избраннаго авторомъ метода, нельзя не пожалѣть, что онъ совершенно удалитъ изъ своей книги такъ называемый ученый аппаратъ. Историческое изложеніе у него ведется совершенно догматическимъ тономъ, какъ будто касательно излагаемыхъ подробностей въ наукѣ господствуетъ полнѣйшее согласіе; ссылки на источники и литературу почти совсѣмъ отсутствуютъ. Всякая попытка провѣрить автора этимъ до крайности затрудняется, а безъ провѣрки положиться на него въ такомъ важномъ дѣлѣ было-бы крайне рискованно. Нужно, впрочемъ, сказать, что въ общемъ Гартмана нельзя упрекнуть ни въ незнакомствѣ съ результатами научныхъ работъ по исторіи философіи, ни въ тенденціозныхъ искаженіяхъ. Но возвратимся къ Платону.

Указавъ историческія отношенія Платоновой метафизики, Гартманъ даетъ характеристику ея съ точки зрѣнія принимаемыхъ ею *основныхъ принциповъ* объясненія дѣйствительности. Съ этой точки зрѣнія, все ученіе Платона является *дуализмомъ*: единое сущее, съ одной стороны, и не сущее, — съ другой. Дуализмъ это — непримиримый, потому что по первоначальному замыслу философа дѣйствительность слѣдовало-бы приписать только сущему, а тому, что получено изъ смѣшенія съ нимъ не-сущаго, — лишь постольку, поскольку, въ немъ находится истинно-сущее; но въ исполненіи дѣло приняло совсѣмъ другой видъ, потому что не-сущее полу-

чило значеніе не только препятствія, но и условія для осуществленія цѣли;—телеологической причинности противополитъ механическая, и разуму перазумная необходимость. Какъ противоположность существу, или благу, не-сущее есть зло и источникъ зла въ благоустроенномъ мірѣ. Этими нарушается абсолютность и всемогущество отождествляемаго съ идеей блага Божества, и послѣднее становится только Мірообразователемъ (деміургомъ) (SS. 29—30). Какъ видимъ, Гартманъ не только излагаетъ, но и *оцѣниваетъ* метафизическія ученія. Оцѣнка эта дѣлается въ предѣлахъ основоположеній и допущеній самой системы и состоитъ лишь въ провѣркѣ логическаго взаимоотношенія ея элементовъ (имманентная критика). Это сообщаетъ разсматриваемой книгѣ высокую поучительность. Читатель какъ-бы присутствуетъ при отборѣ исторически-цѣнныхъ данныхъ общечеловѣческаго міровоззрѣнія. Настоящая исторія философіи, собственно говоря, такъ и должна писаться.

За разсмотрѣніемъ общаго характера системы, слѣдуетъ разсмотрѣніе ея *существенныхъ составныхъ частей*. Соответственно двумъ принципамъ Платоновскаго объясненія дѣйствительности (сущее и не-сущее), и существенными составными частями системы являются, по Гартману,—ученіе *объ идеяхъ* (истинно сущемъ) и ученіе о *матеріи* (или не сущемъ). Для посредства между трансцендентными сущностями-идеями и матеріей, изъ которой возникаетъ міръ быванія, Платонъ призналъ *душу міра*, какъ источникъ движенія и жизни въ мірѣ. Ученіе о душѣ міра, такимъ образомъ, является тоже неизбѣжною составною частью системы. Отождествленіе ея съ Божествомъ и аналогія съ нею человѣческой души дѣлаютъ столь-же логически необходимыми частями системы—*ученіе о Богѣ* и *объ индивидуальныхъ человеческихъ душахъ*. Эти части Платоновой метафизики и разсматриваетъ Гартманъ. (SS 30—39). Мастерски показавъ строгую сопринадлежность излагаемыхъ пунктовъ Платоновой системы другъ съ другомъ, съ ея историческими предположеніями и основнымъ характеромъ, устранивъ всѣ не-существенныя черты и подробности, авторъ дѣлаетъ замѣчательно наглядными достоинства этой системы,—ея слабыя и сильныя стороны.

Изъ менѣе существенныхъ частей системы авторъ касается

только той, которая имѣла значеніе для послѣдующаго развитія философской мысли. Ученіе Платона *о категоріяхъ* излагается потому, что оно, повидимому, оказало вліяніе на Аристотеля; по крайней мѣрѣ послѣдній свои 10 категоріи ипдѣ не выдаетъ за собственное открытіе, а вводитъ, какъ нѣчто уже извѣстное; — значить онъ ихъ замѣтвовалъ у Платоновой Академіи (S 43).

Въ заключеніе указывается историческое значеніе Платона: „прямое вліяніе Платона на послѣдующее развитіе философіи гораздо ничтожнѣе, чѣмъ обыкновенно принимаютъ, потому что если позднѣе и говорится о платонизмѣ, то подъ этимъ обыкновенно разумѣется неоплатонизмъ. Непрямое-же вліяніе Платона на дальнѣйшій ходъ исторіи, напротивъ, больше, чѣмъ какого-либо другаго философа, потому что оба полюса, вокругъ которыхъ почти два тысячелѣтія вращалась философія, суть аристотелизмъ и неоплатонизмъ, и оба они — непосредственно произошли отъ Платона“ (S 43).

Уже по приведенному образцу, — какъ Гартманъ разсматриваетъ ученіе Платона, — вполне можно судить о характерѣ его работы. Поэтому дальнѣйшаго содержанія книги мы излагать не будемъ, а только перечислимъ обзорѣваемые авторомъ группы метафизическихъ ученій. За „классическимъ раціонализмомъ“ слѣдуетъ „сенсуалистическая и скептическая развязка классическаго раціонализма“ (стоики, эпикурейцы, скептики) (SS 71—87); далѣе — „позднѣйшая греческая религиозная метафизика“ (Аристовулъ, Филонъ, неопицагорейцы, — Плутархъ, Нуменій, Галенъ, первохристіанство, гностицизмъ, — Керинѣъ, Маркіонъ, Карпократъ, Василидъ, Валентинъ, христіанскіе апологеты, — Ермъ, Іустинъ, Татианъ, Аѳинагоръ и т. д.) (SS 87—106); потомъ — „Плотинъ, какъ поворотный пунктъ отъ древней къ средневѣковой философіи“ (SS 106—187). Этимъ заканчивается первый отдѣлъ книги, посвященный древней метафизикѣ. Второй отдѣлъ занимается *средневѣковой метафизикой*. Здѣсь разсматриваются: 1) „христіанская метафизика подъ неоплатоническимъ вліяніемъ“ — святоотеческая философія и начатки схоластики (SS 187—212); 2) „арабская и іудейская метафизика“ (SS 212—225); 3) „христіанская метафизика подъ аристотелевскимъ вліяніемъ“, — раздѣлъ схоластики (SS. 225—

251); 4) „незамѣтная эмансипація метафизики отъ аристотелизма“,—исходъ средневѣковья (SS. 251 — 282). Третій отдѣлъ излагаетъ *метафизику возрожденія и реформаціонной эпохи* (SS. 282—356). Наконецъ, четвертый отдѣлъ говоритъ о *метафизикѣ новаго времени* отъ Декарта до Канта. Здѣсь авторъ видитъ развитіе двухъ главныхъ направленій, — *раціонализма и сенсуализма*,—и даетъ такую схему этого развитія:

1. *Раціонализмъ.*

- a) *Дуализмъ субстанціи* (Декартъ, де-ля-Форжъ, Клаубергъ, Гейлшнксъ, Мальбраншъ).
- b) *Философія тождества.*
  - α) Монистическая философія тождества (Спиноза).
  - β) Плюралистическая философія тождества (Лейбницъ).
  - γ) Переработка философій тождества (Вольфъ, Рюдигеръ, Кнутценъ, Баумгартенъ, Бильфингеръ, Мейеръ и Тетенсъ, Крузіусъ, Ламбертъ, Лессингъ и Гердеръ).

2. *Сенсуализмъ.*

- a) *Эмпиристическій сенсуализмъ съ раціоналистическою примѣсю* (Бэконъ, Чербери, Гассенди, Гоббесъ, Ньютонъ, Локкъ).
- d) *Феноменалистическій сенсуализмъ* (Кольеръ, Берклей, Юмъ, Ридъ).
- e) *Физиологическій сенсуализмъ* (Бруунъ, Гартли, Кондильякъ, Бонне, Робине, Вольтеръ, Дидро, Гельвецій, Руссо, Ляметтри, Гольбахъ, Кабанисъ, Дестютъ-де-Траси, Менъ-де-Беранъ, Амперъ)

(SS. 356—588).

Нельзя не замѣтить, что терминологія въ этой классификаціонной схемѣ избрана не особенно удачно. Отношеніе раціонализма къ сенсуализму и послѣдняго къ эмпиризму представляется довольно неточно. Не особенно удобно говорить и о философіи тождества.

Въ заключеніе считаемъ долгомъ сказать, что разсматриваемая „исторія метафизики“ принадлежитъ безспорно къ числу чрезвычайно интересныхъ и поучительныхъ книгъ.

Что касается литературныхъ достоинствъ книгъ, то за нихъ достаточно говорить уже знаменитое имя автора.

VIII.

Eduard von Hartmann, Kategorienlehre Leipzig, 1896 (Ausgewählte Werke, B X) SS XV+557

Въ этомъ произведеніи Эдуарда Гартмана разсматривается природа и значеніе категорій въ трехъ различныхъ сферахъ: во-первыхъ, въ *субъективно-идеальной*, во-вторыхъ, въ *объективно-реальной* и, въ-третьихъ, въ *метафизической*. Поэтому оно содержитъ заразъ краткій очеркъ трехъ философскихъ дисциплинъ: теоріи знанія, натурфилософій и метафизики. По своему отношенію къ прежнимъ работамъ автора, это его „ученіе о категоріяхъ“ восполняетъ пробѣлъ между „Grundproblem der Erkenntnisstheorie“ и „Philosophie des Unbewussten“. Чтобы ясно представить себѣ общій характеръ работы автора, надо имѣть въ виду, что „субъективно - идеальная сфера“ обнимаетъ у него „субъективно-идеальный міръ явленій въ философствующемъ индивидуумѣ, содержаніе сознанія, гносеологически-имманентное“; вторая сфера, „объективно-реальная“, обнимаетъ ту единую, общую для всѣхъ индивидуумовъ дѣйствительность, тотъ объективно-реальный міръ явленій,—потусторонній или внѣшній въ отношеніи ко всѣмъ индивидуальнымъ сознаніямъ,—который въ гносеологическомъ смыслѣ есть уже трансцендентное и только въ метафизическомъ—имманентное для мысли; третья, „метафизическая сфера“ есть „трансцендентное какъ въ гносеологическомъ, такъ и въ метафизическомъ смыслѣ“,—сущность, лежащая позади обѣихъ сторонъ (объективной и субъективной) въ являющемся нашему сознанію мірѣ. Субъективно-идеальная сфера совпадаетъ съ областью сознательнаго духа, объективно-реальная покрывается царствомъ природы, включающимъ въ себѣ и міръ духовъ съ ихъ естественной стороны, метафизическая-же есть область безсознательнаго духа, этого общаго, по Гартману, корня сознанія и бытія. Эти отношенія предметовъ познанія авторъ наглядно представляетъ въ слѣдующей схемѣ:

Гносеологически-имманентное (Содержаніе сознанія)	Гносеологически-трансцендентное (Вещь въ себѣ).	
Субъективно-идеальная сфера (сознательный духъ).	Объективно-реальная сфера (природа)	Метафизическая сфера (безсознательный духъ)
Метафизически-имманентное (Мірѣ явленій)		Метафизически-трансцендентное (сущность).

Онъ изслѣдуетъ категоріи отдѣльно въ каждой изъ указанныхъ сферъ, потому что не всѣ категоріи имѣютъ значеніе во всѣхъ трехъ сферахъ и не вездѣ извѣстная категорія имѣетъ одинаковое значеніе (Vorwort, SS. V—VI)

Ученіе о категоріяхъ, по словамъ автора, доселѣ обыкновенно предлагалось, какъ часть гносеологіи или метафизики. И въ книгахъ по логикѣ оно разрабатывалось или съ гносеологической, или съ метафизической точки зрѣнія. Больше или меньше враждебное отношеніе къ метафизикѣ послѣдняго времени естественно вызвало столь-же одностороннее преобладаніе гносеологической точки зрѣнія на категоріи, какъ раньше Гегелева философія обусловила преимущественно метафизическій взглядъ на нихъ. Самъ онъ находитъ эти точки зрѣнія несколько не исключаящими другъ друга, а вполне совмѣстимыми (S. VII). Собственному опыту такого всесторонняго обследованія категорій Гартманъ не предпочлаесть, впрочемъ, никакого историческаго обзора сдѣланнаго въ этой области другими, если не считать нѣсколькихъ бѣглыхъ замѣчаній въ предисловіи (SS. IX—XIII). Онъ даетъ въ своей книгѣ прямо положительное раскрытіе своихъ собственныхъ воззрѣній. При этомъ онъ не скрываетъ, что для него лично центральный интересъ въ его изслѣдованіи представляетъ метафизическое значеніе категорій (S. XIII).

Самое изслѣдованіе Гартмана распадается на двѣ части: въ первой разсматриваются „категоріи чувственности“ (SS. 1—172), а во второй „категоріи мышленія“ (SS. 173—545). Въ такомъ дѣленіи категорій онъ явно примыкаетъ къ Канту, который на ряду съ категоріями разсудка признавалъ „категоріи чувственности“, а затѣмъ также и понятія рефлексіи и разума. Но Кантъ всетаки вообще удержалъ за понятіемъ категорій въ строгомъ смыслѣ обычное значеніе—

высшихъ познавательныхъ понятій. Усвояя такимъ образомъ категоріямъ значеніе не просто только высшихъ руководящихъ понятій мышленія, Гартманъ, очевидно, понимаетъ терминъ „категорія“ нѣсколько шире, чѣмъ обыкновенно. Согласно съ этимъ, онъ и опредѣляетъ категорію, какъ „безсознательную интеллектуальную функцію“ извѣстнаго рода, или „безсознательное логическое опредѣленіе“, устанавливающее извѣстное отношеніе (S. VII). Когда эта безсознательная функція духа вступаетъ въ субъективно-идеальную сферу, то устанавливаемыя ею отношенія являются „формальными составными частями въ содержаніи сознанія“; тогда сознательная рефлексія можетъ а posteriori изъ даннаго ей готоваго содержанія сознанія путемъ абстракціи получить тѣ категорическія понятія, которыя участвовали въ образованіи этого содержанія (ibid. VII—VIII). Такъ-какъ категорическихъ понятій нельзя получить путемъ дедукціи а priori, то понятно, что мы никогда не можемъ имѣть ихъ исчерпывающей таблицы, и потому въ „ученіи о категоріяхъ“ изслѣдуются только важнѣйшія изъ нихъ. Не имѣя ни возможности, ни надобности въ настоящей замѣткѣ подробно излагать обильное содержаніе настоящей книги Гартмана, мы съ нѣкоторою подробностью остановимся только первой ея части, составляющей оригинальное отличіе Гартмана отъ другихъ изслѣдователей. Здѣсь-же нагляднѣе можно видѣть и отраженіе основнаго взгляда Гартмана на категоріи, какъ на безсознательныя интеллектуальныя функціи. А что касается второй части, то мы лишь вкратцѣ укажемъ ея содержаніе.

Первая часть распадается на два отдѣла: одинъ изслѣдуетъ „категоріи ощущенія“—*качество* и *количество*,—а другой „категоріи воззрѣнія“—*пространство* и пространственныя отношенія.

Качество, занимающее у Гартмана первое мѣсто среди категорій чувственности, разсматривается, какъ и всѣ прочія категоріи, съ трехъ точекъ зрѣнія. Прежде всего идетъ рѣчь о *качествѣ* въ субъективно-идеальной сферѣ (SS. 1—33). Авторъ здѣсь сначала разсматриваетъ простыя и сложныя ощущенія органовъ чувствъ (SS. 1—5), затѣмъ отмѣчаетъ тотъ фактъ, что многія, на первый взглядъ простыя ощущенія оказываются въ сущности синтезами ощущеній (S. 6), и указываетъ пять классовъ такого синтеза ощущеній: во-

первыхъ, такія ощущенія, сложность которыхъ ускользаетъ отъ нашего сознанія; во-вторыхъ, такія, которыя некритичными и неразвитыми умами считаются за простыя, но, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, могутъ быть аналитически разложены опытнымъ наблюдателемъ; въ-третьихъ, такія, сложность которыхъ замѣтна для всякаго, но въ которыхъ составляющія ихъ части являются въ извѣстной мѣрѣ исчезающими моментами общаго впечатлѣнія (напр., музыка съ пѣніемъ, соло или хоръ съ оркестромъ и т. п.); въ четвертыхъ такія, въ которыхъ отдѣльныя части не образуютъ единаго общаго впечатлѣнія, а суть отдѣльныя ощущенія, связанная только въ мышленіи и относимыя къ одной и той-же вещи, какъ ихъ общей причинѣ (напр., зрительныя и слуховыя ощущенія, получаемыя при одновременномъ воспріятіи декламации и жестикуляціи артиста, или синтезъ зрительныхъ, обонятельныхъ и вкусовыхъ ощущеній, возбуждаемыхъ кушаньемъ); въ-пятыхъ, наконецъ, такіе синтезы, которые состоятъ въ простой установкѣ и простомъ признаніи одновременности извѣстныхъ случайно совпавшихъ ощущеній, не находящихся между собою ни въ какой связи (S. 7). Далѣе онъ говоритъ о свойствахъ и взаимоотношеніи этихъ классовъ, о переходѣ въ качество простыхъ отношеній интенсивности и т. п. (SS. 7 ff). Любопытно въ этомъ отдѣлѣ замѣчаніе автора, что удовольствіе и неудовольствіе суть не качества, а безкачественныя первоощущенія (S. 31). Въ заключеніе онъ утверждаетъ, что качество есть исключительная категория ощущенія. „Всякое качество содержанія сознанія, говоритъ, онъ, есть качество ощущенія или соединеніе такихъ качествъ съ другими качествами ощущеній или съ безкачественными функциями. Мышленіе, какъ логическая функція, не имѣетъ въ себѣ ничего такого, что могло-бы быть названо качествомъ; оно есть чисто формальная функція, которая все содержаніе и вмѣстѣ съ нимъ все качество получаетъ изъ ощущенія и воззрѣнія. Воззрѣніе само есть только синтезъ изъ содержанія ощущенія и формальныхъ интеллектуальныхъ функций: оно качественно лишь постольку, поскольку качественны ощущенія, изъ которыхъ оно составилось, и то, что оно дастъ новаго, есть уже не качественное, а количественное—именно, протяженіе извѣстной величины“ (S. 33)

Въ объективно-реальной сферѣ наука, говоритъ Гартманъ, разрѣшаетъ качество въ количественныя отношенія. Если разумѣть подъ сферой объективнаго только содержаніе сознанія, поскольку оно стало пространственнымъ въ возрѣніи и противопоставляется формѣ сознанія, то само собою очевидно, что всѣ качества объектовъ воспріятія суть качества ощущенія и ничего болѣе, потому что объекты возрѣнія суть не болѣе, какъ пространственно распредѣленныя и проецированныя въ представляемое пространство ощущенія. Но если подъ сферой объективнаго разумѣть гносеологически-трансцендентную или транссубъективную сферу вещей въ себѣ, реальность, независимую отъ ея представляемости, то вопросъ, — приложима-ли здѣсь категорія качества, — можетъ быть рѣшенъ уже только спеціальнымъ научнымъ анализомъ. Науки, занимающіяся свойствами транссубъективной реальности вещей, называются естественными науками. Онѣ разрѣшили трансцендентно-объективныя причины звука свѣта, тепла, электричества, магнетизма и т. д. въ колебательныя состоянія извѣстныхъ формъ и скоростей, т. е. въ движенія съ чисто количественной опредѣленностью. Подобнымъ образомъ наука даетъ механическое объясненіе и всѣмъ физическимъ свойствамъ тѣлъ. Свойства химическихъ элементовъ наука стремится также объяснить механически въ гипотезѣ сводимости всего многообразія качественно-опредѣленныхъ элементовъ къ нѣкоторымъ безкачественнымъ первоэлементамъ, обладающимъ лишь количественными различіями (SS. 34—35). Объективно-реальныя качества вещей суть, по Гартману, только аббревіатуры мысли. Мы называемъ вещи въ себѣ качественно различными и приписываемъ имъ различныя объективно-реальныя качества, когда получаемыя отъ нихъ нашими чувствами впечатлѣнія принуждаютъ нашу способность воспріятія къ качественно различнымъ синтезамъ. Мы переносимъ, такимъ образомъ, качества нашихъ ощущеній, какъ готовые качества, изъ насъ на вещи въ себѣ и невольно заключаемъ отъ качественного разнообразія нашихъ субъективно-идеальныхъ ощущеній къ качественному разнообразію ихъ объективно-реальныхъ причинъ. Какъ ни мало основательно такое представленіе дѣла, свойственное наивному реалистическому мышленію, намъ однако нѣтъ нужды возставать

противъ пользованія терминами обычнаго языка, — надо только помнить условное значеніе этихъ терминовъ. Ничто не мѣшаетъ намъ говорить о голубомъ стеклѣ, если только помнить, что это выраженіе указываетъ не на качественную опредѣленность стекла, а на количественную, именно, на такой распорядокъ его молекулъ, что имъ пропускаются только лучи опредѣленной скорости, вызывающіе извѣстныя нервно-мозговья раздраженія и такимъ образомъ дающіе намъ слагаемая для ощущенія голубого цвѣта (SS. 37—38). Въ извѣстномъ смыслѣ, полагаетъ Гартманъ, можно однако говорить и о качествѣ въ вещахъ въ себѣ. Съ точки зрѣнія трансцендентальнаго реализма, качественные различія ощущеній указываютъ на нѣкоторыя различія вещей, вызывающихъ въ насъ эти ощущенія, и только по этимъ различіямъ ощущеній мы можемъ познавать дѣйствительныя различія вещей. Физика и химія сводятъ послѣднія къ количественнымъ различіямъ; но это онѣ могутъ дѣлать, только отпавляясь отъ качественного различія ощущеній. Но этимъ не ограничивается отношенія качества къ вещамъ въ себѣ. Если мы и принимаемъ, что въ трансцендентно-объективной реальности можно находить опредѣленность только количественную, а не качественную, то это будетъ справедливо лишь постольку, поскольку вещи мы мыслимъ только существующими въ себѣ и дѣйствующими другъ на друга только въ объективно-реальномъ смыслѣ. Если-же мы допустимъ, что всякое сущее въ себѣ, оказывающее извѣстное воздѣйствіе на другую реальность и вызывающее въ ней извѣстное впечатлѣніе, само, въ свою очередь, способно подвергаться воздѣйствію и получать впечатлѣнія, что всякое сущее въ себѣ, являясь для другихъ (*für andere*) трансцендентно-объективной реальностью, аффицирующею ихъ причиною, въ то-же время для себя самого (*für sich selbst*) есть нѣчто внутреннее (*ein Innerliches*), способное къ впечатлѣніямъ и къ аффицированію другими реальностями, то мы должны будемъ согласиться, что качество есть и въ каждой вещи въ себѣ. Но его надо искать не въ ея объективно-реальномъ бытіи и дѣйствіи, а только въ ея субъективно-идеальномъ въ себѣ бытіи и страданіи (*Leiden*), въ ея ощущеніяхъ и сознаніи, и оно, какъ таковое, есть нѣчто

воспринимаемое и существующее только для самого ощущающаго субъекта (SS. 40—41).

Въ метафизической сферѣ категорія качества, по мнѣнію Гартмана, не имѣетъ приложенія. Метафизическія функціи, полагающія какъ объективно-реальный, такъ и субъективно-идеальный міръ явленій, совершенно безкачественны (SS. 42—44). Метафизическая сущность индивидуумовъ и монадь тоже безкачественна (S. 46). Безкачественна и сущность абсолютнаго (SS. 47—48). „Мы должны, говоритъ авторъ, приложимость категоріи качества ограничить сферою ощущенія и признать, что сверхчувственная сущность непреходящихъ атрибутовъ есть нѣчто совершенно иное въ сравненіи съ чувственнымъ качествомъ измѣнчивыхъ акциденцій“ (S. 49). Дѣятельность безкачественнаго въ своемъ существѣ абсолютнаго, или всеединаго производитъ и качество. но послѣднее есть уже вторичный продуктъ, получаемый въ сознаніи изъ синтеза количественнаго многообразія въ мірѣ явленій (ibid).

Въ *количествѣ*, какъ категоріи ощущенія, Гартманъ различаетъ два вида—*интенсивное* количество и количество *мѣтенсивное* или *временность*.

Всякое качество, воспринимаемое сознаниемъ является связаннымъ съ извѣстной интенсивностью. Не существуетъ никакихъ ощущеній, которыя-бы не обнаруживали въ себѣ извѣстной интенсивности. Одинъ и тотъ-же тонъ,—простой или сложный,—можетъ звучать то сильнѣе, то слабѣе; одинъ и тотъ-же свѣтъ,—простой или сложной окраски,—свѣтитъ то ярче, то тусклѣе; одинъ и тотъ-же запахъ или вкусъ могутъ имѣть разную интенсивность. Если качество ощущенія сложно, то оно остается, при измѣненіяхъ интенсивности, равнымъ само себѣ только подъ условіемъ, что его компоненты стоятъ между собою въ томъ-же отношеніи, а съ переменною этого отношенія мѣняется и качество (SS. 50—51). Увеличеніе или уменьшеніе интенсивности при извѣстныхъ условіяхъ уничтожаетъ сознание самаго качества: въ ослѣпительномъ свѣтѣ, въ разбѣдающемъ носъ возбужденіи мы уже не сознаемъ качественныхъ различій цвѣта или запаха. Нормальное возрастаніе ощущенія въ своей интенсивности возможно только въ рамкахъ эмпирически устанавливаемыхъ границъ (для каждаго разряда ощущеній) между

верхнимъ и нижнимъ порогомъ сознанія (S 52). Это возростаніе слѣдуетъ извѣстному закону Вебера (S. 54). Гартманъ разсматриваетъ степень интенсивности ощущенія, какъ безсознательную синтетическую функцію (S. 55), различныя преобразованія внѣшняго возбужденія въ индивидуумѣ (S. 56), преобразованіе жпвой силы въ силу напряженную и наоборотъ (S. 57), отношеніе удовольствія и неудовольствія къ волѣ (S. 59) и къ качеству ощущенія (S 61),—это все образуетъ изслѣдованіе категоріи интенсивности въ *субъективно-идеальной* и *объективно-реальной сферѣ*. Въ заключеніе этого отдѣла авторъ утверждаетъ, что „всякое ощущеніе первоначально есть не что иное, какъ удовольствіе или неудовольствіе, всякая первоначальная интенсивность есть интенсивность удовольствія или неудовольствія, и что не только всякое качество, но и всякая интенсивность въ высшихъ сознаніяхъ, являющихся отрѣшенными отъ удовольствія и неудовольствія, есть всетаки только продуктъ синтетическаго построенія изъ пріятныхъ или непріятныхъ ощущеній на низшихъ ступеніяхъ сознанія“ (S. 63). Этотъ выводъ образуетъ переходъ къ уясненію значенія категоріи интенсивности въ *метафизической сферѣ*.

Удовольствіе и неудовольствіе сами по себѣ, говоритъ авторъ, суть только формы, въ какихъ сознается воля при своемъ столкновеніи съ другою волею. Само хотѣніе есть чистая интенсивность, направленная во-внѣ, неудовольствіе есть интенсивность, отброшенная назадъ чужою интенсивностью, а удовольствіе есть интенсивность, освобожденная отъ стѣсненія (Repression). Удовольствіе и неудовольствіе въ чистомъ видѣ не суть нѣчто отличное отъ воли, а только ея модусы (SS. 63—64). Хотѣніе, какъ абстрактно-единое, не есть въ сущности и хотѣніе, потому что нѣтъ ничего такого, на чемъ-бы оно могло осуществить свою реализирующую тенденцію; дѣйствительное хотѣніе всегда раздѣлено и въ своихъ частичныхъ функціяхъ вступаетъ въ противоборство съ самимъ собою. Гдѣ дано на лицо динамическое или волевое отношеніе, тамъ необходимо столкновеніе двухъ проявленій силы или двухъ хотѣній, изъ которыхъ каждое—активно или дѣятельно въ отношеніи къ другому и каждое—пассивно или страдательно вслѣдствіе другого. Въ каждомъ интенсивность еіо активности зависитъ отъ

него самого, а интенсивность его пассивности отъ активности другого. Только абстрактное или недѣйствительное хотѣніе чуждо ощущенію. Дѣйствительная-же воля есть воля ощущающая. Какъ стѣсненное проявленіе силы, какъ страдающее хотѣніе, воля сказывается неудовольствіемъ. Какъ избытокъ дѣятельности, вызывающей страданіе въ другой волѣ, оно является удовольствіемъ. Такимъ образомъ, въ волѣ двѣ стороны,—внутренняя и внѣшняя. Первая даетъ элементы субъективно-идеальнаго міра, а послѣдняя—объективно-реальнаго. Отношеніе воли къ ощущенію подобно отношенію дѣйствительныхъ количествъ къ мнимымъ въ математикѣ. Интенсивность сохраняется и въ томъ случаѣ, когда она (какъ при воспріятіи) переходитъ изъ дѣйствительнаго въ мнимое измѣреніе, или (какъ при мотивации) изъ мнимаго измѣренія возвращается въ дѣйствительное. Конечно, при этомъ переходѣ и единица измѣренія становится другою, такъ что интенсивности обоихъ измѣреній несоизмѣрны другъ съ другомъ (какъ 1 и $\sqrt{-1}$). Такимъ образомъ, динамическая интенсивность и интенсивность ощущенія суть лишь два различныя измѣренія принципа интенсивности (SS. 64—65). Что касается отношенія между ощущеніемъ и волей, то переходя въ своемъ познаніи отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, мы должны изъ данной намъ интенсивности ощущенія раскрыть интенсивность воли, которая, съ точки зрѣнія сознанія, есть нѣчто трансцендентное, безсознательное, непосредственно не воспріемлемое. Но если мы, напротивъ, станемъ на точку зрѣнія абсолютнаго, то воля есть реальный Prius ощущенія, а это послѣднее—идеальный побочный продуктъ или мнимое (*imaginäre*) сопровождающее явленіе воли, какъ реальнаго событія. Доступная непосредственному опыту сторона интенсивности есть только субъективно-идеальная интенсивность ощущенія; объ интенсивности-же объективно-реальнаго міра мы непосредственно не знаемъ ничего, но посредственно знаемъ все, что насъ касается и имѣетъ къ намъ отношеніе. Такимъ образомъ интенсивность ощущенія представляетъ собою, подобно качеству ощущенія, только посредственный опытъ въ отношеніи объективно-реальнаго міра (SS. 65—66). Собственно въ логической области, въ сферѣ мышленія, интенсивность не имѣетъ мѣста. Это—принципъ не-логиче-

скаго элемента въ познаніи, представляющійся въ объективномъ смыслѣ волею, а въ субъективномъ ощущеніемъ (SS. 67—68).

Въ трактатѣ своемъ объ *эстенсивномъ количествѣ* ощущенія, или *времени* (SS. 68—94) Гартманъ, коснувшись различныхъ особенностей этого спеціальнаго ощущенія (временность въ *субъективно-идеальной сферѣ*, SS. 68—85), утверждаетъ что въ *объективно-реальной сферѣ* категория времени, даже при допущеніи солипсизма, имѣетъ полное приложеніе, вопреки трансцендентальному идеализму (S. 68 ff), и что тѣмъ болѣе невозможны временныя отношенія между содержаніями многихъ сознаній безъ объективно-реальной временности (SS. 88 ff). Затѣмъ онъ раскрываетъ взглядъ на время съ точки зрѣнія своего трансцендентальнаго реализма (SS. 90 ff), утверждаетъ, что объективно-реальная перемѣна невозможна съ точки зрѣнія матеріализма и плюрализма, а только съ точки зрѣнія безматеріальнаго динамизма (S. 92 ff).

Послѣ категорій ощущенія къ категоріямъ чувственности принадлежатъ, по Гартману, *категоріи воззрѣнія*. Существенной чертой воззрѣнія является *эстенсивная количественность*. Такимъ образомъ, пространство составляетъ спеціальную категорію воззрѣнія.

Говоря о *пространственности въ субъективно-идеальной сферѣ* (SS. 107—127), авторъ останавливается на системѣ „мѣстныхъ знаковъ (Localzeichen)“ различныхъ ощущеній (осязаніе, ощущеніе движенія, общее чувство); затѣмъ указываетъ относительную истину въ нативистической и эмпирической теоріи пространства, а равно и ихъ заблужденія (SS. 107—116). Самъ онъ образованіе пространственнаго воззрѣнія объясняетъ бессознательно-синтетической интеллектуальной функціей, упорядочивающей матеріаль ощущеній (S. 116 f). Этой-же бессознательной функціей объясняетъ онъ и *объективно-реальное* полаганіе явленій въ пространствѣ (S. 142 f). Здѣсь заслуживаетъ упоминанія отрицаніе имъ пустого пространства, которое, вслѣдъ за научнымъ реализмомъ, склонно допускаетъ и научное мышленіе (S. 143). Отрицаетъ онъ и наполняющій пространство матеріальный флюидъ (S. 145). Наполненіе пространства онъ старается объяснить съ точки зрѣнія своего динамизма (SS. 149 ff). Если, такимъ образомъ, пространство „не можетъ быть ни субстанціей, ни ак-

циденціей объективно-реальной матеріи, то ничто не мѣшаетъ быть ему акциденціи проявленія силы (Accidenz der Kraftäusserung). Сила, какъ потенція, такъ-же безпространственна, какъ и безвременна: но проявленіе силы, какъ динамическая функція, можетъ быть столь-же пространственнымъ, какъ и временнымъ. Пространственность, въ такомъ случаѣ, не будетъ болѣе непосредственной акциденціей субстанціи, какъ полагаетъ наивной реализмъ, считающій матерію за реальную субстанцію, которой присуща пространственность, какъ акциденція. Пространственность будетъ тогда только формой проявленія (Actualität) силы, подобно времени, — стало быть, акциденціей въ акциденціи, или посредственной акциденціей второго порядка“ (S. 151). Здѣсь мы вступаемъ въ область *метафизическаго* истолкованія пространства, которое представляетъ большой интересъ въ связи съ Гартмановой метафизикой вообще.

Вторая часть книги Гартмана трактуетъ о „категоріяхъ мышленія“. Она состоитъ изъ трехъ отдѣловъ: въ первомъ разсматривается „основная категорія (die Urkategorie) *отношенія*“ (SS. 173—196), во второмъ — „категоріи *рефлектирующаго мышленія*“ (SS. 197—362) и въ третьемъ — „категоріи *спекулятивнаго мышленія*“ (SS. 363—544).

Въ первомъ отдѣлѣ слѣдуетъ отмѣтить утвержденіе автора, что отношеніе есть вообще основная категорія — не только для категоріи мышленія, но и для категоріи чувственности (S. 191).

Во второмъ отдѣлѣ разсматриваются категоріи, лежащія въ основѣ различныхъ сторонъ познавательной дѣятельности и въ основѣ пріемовъ логическаго мышленія; 1) „категоріи сравнивающаго мышленія“ (SS. 197—224), 2) „категоріи раздѣляющаго и связывающаго мышленія“ (SS. 255 — 249), 3) „категоріи измѣряющаго мышленія“ (SS. 250—280), 4) „категоріи умозаключающаго мышленія, или формы логическаго опредѣленія“ (SS. 281—335) и 5) „категоріи модальнаго мышленія“ (SS. 337—362).

Въ третьемъ отдѣлѣ подробно разсматриваются три категоріи — *причинности* (SS. 383—430), *цѣлесообразности* (SS. 331—495) и *субстанціальности* (496—544). Ученіе о первой образуетъ *тѣо логію*, о второй — *телеологію* и о третьей — *онтологію*.

Разсматриваемая книга Гартмана полнѣе и нагляднѣе другихъ его работъ знакомить насъ съ характеромъ и положительнымъ содержаніемъ его философіи. Благодаря своему чрезвычайно широкому понятію о категоріяхъ, авторъ имѣлъ возможность коснуться, можно сказать, всѣхъ важнѣйшихъ вопросовъ теоретической философіи. Строгая планомѣрность и отчетливость изложенія позволяетъ легко ориентироваться въ этой книгѣ. Какой-бы вопросъ относительно Гартмановой гносеологіи и метафизики ни возникъ, мы въ этомъ „*Kategorienlehre*“ скорѣе всего найдемъ опредѣленное и точное выраженіе мнѣній нашего философа по этому вопросу. Данную книгу можно безъ всякой неточности назвать подробнымъ конспектомъ всей системы Гартмана. Для историка философіи весьма важно знакомство съ этимъ сочиненіемъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

П. Тихомировъ.
